

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

Роман
ИЛЬСОВ

Окончание
Предыдущие публикации
в №№ 444-453

ДЕЛО БАРУХА

"Моральный ущерб..." - с иронией повторил Полачев, улыбаясь. - Это что-то из области фантастики. Видимо вы много романов читали. Но ничего, очень скоро вы изменитесь. Работа с тюремной швалью выбьет из вас всякую фантазию. И тогда я напомню вам эти ваши смешные слова о моральном ущербе".

Послышался стук в дверь, и в дверях появился запыхавшийся начальник тюрьмы: «Я дико извиняюсь, что прервал вашу беседу товарищ Полачев, но до передачи заключенных остались считанные минуты, а окончательный список на прием-передачу все еще не утвержден. Я уже посылал к вам своего помощника, но вы оставили его без ответа. Что вы решили насчет заключенного Аминова?»

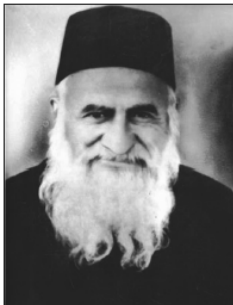
Полачев, сконфуженный, заерзал на стуле и выдавил из себя: «Попросите, пожалуйста, переделать документ приема-передачи, заменив фамилию и имя Аминова Баруха на Козлова Ивана. Я подпишу документ, как только он будет готов». Начальник тюрьмы кив-

нул головой и, незаметно для Полачева подмигнув Михаилу, удалился. Полачев сложил лежащие на столе бумаги по делу Аминова Баруха в папку и, придвинув ее к Михаилу, сказал: «Я дам ход этому делу, как только оно будет полностью укомплектовано протоколами, приготовленными товарищем Кротковым после его возвращения. Вы свободны. И имейте в виду, что на дело с тремя убийствами у вас осталось всего два с половиной дня».

Только теперь, выйдя из кабинета старшего следователя, Михаил почувствовал, насколько он устал. Только сейчас, когда позволил себе чуточку расслабиться, он вдруг ощутил легкое головокружение. «Бессонная ночь даёт о себе знать», - подумал Михаил.

Взглянул на часы - время обеда. «Пойду подкреплюсь», - решил он. Слегка пошатываясь от усталости, направился к выходу. Несмотря на физическую усталость, Михаил ощущал непрерывный приток энергии, вызванный душевным подъемом. Он чувствовал огромное удовлетворение от своего первого дела, сулившего удачный исход. Его радовало то, что ему удалось спасти невинного Баруха и что он сумел доказать всем, а в первую очередь самому себе, своё соответствие сложной профессии следователя.

Однако эта радость не могла охватить полностью его душу, часть ее оставалась в угнетенном состоянии. Михаил

отчетливо осознавал, откуда в его душе это противоречие. Оно исходило от неожиданного прозрения, позволившего ему увидеть «оборотную сторону медали»: новые для него реалии внутренней политики партии и правительства, а также идеологии, насаждаемой лично Сталиным. Он начал терять веру в то, что вдохновляло его многие годы и в результате побудило его выбрать профессию следователя.

«Но почему партия и правительство внедряют эту идеологию, явно подрывающую социалистическую систему?» - рассуждал Михаил по дороге в столовую. - Может быть, некоторые члены партии и правительства во главе со Сталиным вовлечены в заблуждение? Или ошибочная идеология принадлежит только Сталину? Но тогда почему члены партии, видящие ошибки Сталина, не пытаются открыть ему глаза на эти ошибки? Возможно, они бо-

ятся сделать это, потому что понимают, что им не избежать его кары и репрессий, если им не удастся переубедить его. Ведь в последнее время примеров таких, непостижимых здравому смыслу жесточайших репрессий уйма.

Однако возможна и другая версия: все члены партии и правительства едины в своих взглядах и убеждены в том, что время диктует принятие жесточайших мер. Если же это на самом деле так, тогда я что-то недопонимаю и мне, возможно, нужно будет еще раз всесторонне проанализировать проводимую нашей партией и правительством политику, чтобы понять её истинный смысл.

Ну, а если мои догадки окажутся верными? Что же тогда делать? Выполнять установленные требования партии и правительства, осознавая вредные последствия, - значит, стать не только бесовским приспособленцем, каким стал товарищ Расторгуев, начальник тюрьмы, но и врагом народа в полном смысле этого слова. А вести открытую борьбу против сталинской идеологии - значит, неминуемо обречь себя на бесполезную смерть с клейменным име-

нем вредителя и врага народа, как это, конечно, уже не раз происходило с известными большевиками, уничтоженными сталинской машиной. Уволиться с работы означало бы оставить в беде многих невинных заключенных. От меня зависит их свобода и жизнь.

Следовательно, самое верное решение, которое диктуют разум и совесть, - это продолжать свою работу, направив силы на спасение невинных. Однако открыто спасти невинных здесь, в среде бездумных последователей сталинской идеологии, - значит, показать своими действиями, что ты против этой идеологии, и погубить себя. Отсюда вытекает лишь один выход - вести скрытую работу. Но если окажется, что невинных заключенных много больше, чем виновных, то скрыть свою работу будет невозможно и рано или поздно меня объявят вредителем и врагом народа с вытекающими отсюда последствиями».

Михаил приостановился у входа в столовую и разочарованно заключил: «Однако другого выхода я пока не вижу. Все же, надеюсь, конец был бы осмысленным и не бесполезным, если бы мне удалось спасти многих невинных людей...»

Дорогие читатели! Те, кто желают ознакомиться с предыдущими публикациями текста исторического романа "Раввин из Коканда", могут найти их на веб-сайте www.romanilyasov.yolasite.com.